

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ, УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Назаров С.А.,
Национальный исследовательский университет
Московский институт электронной техники

Аннотация: в настоящей статье автор рассматривает основные группы детерминант (причин и условий) преступности в экономической сфере в современной России. Утверждается, что социально-экономические факторы являются наиболее значимыми детерминантами экономической преступности, а социальные факторы преступности в экономической сфере с трудом отделимы от экономических. В качестве наиболее значимого фактора автор называет поляризацию населения России по уровню доходов; вторым по значимости экономическим фактором является «теневая экономика». Отмечается также значимость социальной атомизации, социальной депривации, правовой и социальной безответственности. Вторую по значимости группу факторов составляют факторы устойчивости и предсказуемости экономического развития: преступность тем выше, чем выше частота и уровень колебаний экономических показателей, то есть чем в меньшей степени состояние экономики и доходов конкретного субъекта предсказуемы и тревожны для самого субъекта.

Третью группу факторов, влияющих на количественные и качественные показатели преступности в экономической сфере можно объединить понятием «плотность экономической жизни»: общая численность населения в регионе и численность работающих; количество экономических и иных социальных акторов (предприятий и организаций всех типов и форм собственности в регионе); доходность предприятий и всех видов бизнеса в регионе; уровень доходов населения и уровень потребления в регионе; обеспеченность жильем и другими социальными благами в регионе: транспортом, социальными услугами и т.п.; количество учреждений образования, здравоохранения и социальной защиты в регионе и др.

Ключевые слова: преступность, причины, условия, факторы, детерминанты, «теневая» экономика, поляризация доходов, социальная атомизация, социальная депривация

Преступность в экономической сфере является явлением, сопровождающим все этапы становления и развития государства как организации управления обществом, существование которого без экономических отношений (по К. Марксу – базиса) невозможно фактически и немислима в научном отношении. Однако и сама экономика, и все виды общественных отношений находятся в процессе непрерывного развития и изменений как эволюционного, так и революционного типа, как в прогрессивном, так и в регрессивном направлении. Многогранные и многосложные отношения между различными субъектами экономической деятельности: гражданами, юридическими лицами, государством, международными корпорациями находятся в процессе непрерывных трансформаций. Нормативные границы этих отношений нарушаются различными субъектами, наиболее серьезные и имеющие наиболее глубокие социально вредные последствия нарушения представляют собой преступления.

Необходимым для настоящего исследования методологическим шагом является прояснение содержания и соотношения содержания объема

понятий «детерминанты», «факторы», «причины» и «условия».

Детерминанты или побуждающие обстоятельства преступности – это совокупность находящихся в отношениях взаимозависимости и взаимодействия явлений и обстоятельств, образующих причины и/или условия возникновения и развития преступности. Детерминанты, являющиеся прямо криминогенными, то есть вызывающие преступные явления, следует считать причинами. Причинно-следственная связь относительна, имеет вероятностный характер и не всегда может быть установлена. В случае, если причина не устанавливается в результате прямого наблюдения и не доказана эмпирически, если она опосредована рядом обстоятельств и промежуточных причинно-следственных связей, детерминанту следует рассматривать как условие. Например, отсутствие постоянной работы, безработица, вызывающая последствия в виде низкого дохода, социальной депривации и т.п. может выступать и как непосредственная причина, и как условие совершения правонарушения или преступления. К понятию «детерминанта» примыкает также понятие «фактор», – реально действующее в парадигме здесь – и – сейчас обстоятельство или явление, побужда-

ющее другое обстоятельство или явление. Наиболее близким по содержанию к понятию «фактор» является понятие «причина».

Причины, условия и мотивы, побуждающие людей нарушать закон в экономической сфере, многогранны и многочисленны, однако их можно объединить в различные группы: демографические факторы; собственно экономические факторы; социальные факторы, правовые факторы, политические факторы. Рассмотрим подробнее каждую из этих групп факторов.

Экономические факторы преступности в экономической сфере многочисленны, но главным и ведущим фактором, выделяемым всеми исследователями, является бедность и большая высота уровня социальной стратификации (исчисляемая Коэффициентом Джинни), иными словами, большое количество в регионе или стране населения с низкими и крайне низкими доходами и небольшое количество очень богатых людей или так называемая поляризация населения по уровню доходов.

Аналізу этой проблемы, а также путям ее разрешения, связям между неравенством и другими аспектами общественной жизни посвящено множество монографий и статей отечественных и зарубежных ученых [3-13]. Значительное число российских исследователей анализируют эту проблему в контексте российской экономики, в том числе, отмечая ее особенную криминогенность [14-20]. Вместе с тем, несмотря на все многообразие высказываемых мнений, выделяемых аспектов и расставляемых акцентов, подавляющее большинство ученых солидаризируются вокруг следующей позиции, которая многими рассматривается как закономерность: «Среди экономических факторов преступности против собственности одно из ведущих мест занимает явление поляризации населения по уровню доходов. При прочих равных условиях более высокому уровню поляризации населения по данному показателю (так называемый коэффициент Джинни) обычно соответствует и более высокий уровень преступности» [20, с. 15].

Коэффициент Джинни, то есть показатель распределения всех доходов населения по различным его группам, – является динамичным и изменяющимся для каждой страны социально-экономическим показателем. Однако ученые выделяют определенные закономерности, связывающие коэффициент Джинни с состоянием экономики и социального развития в обществе: наиболее высоким коэффициент Джинни – то есть разрыв в доходах между многочисленным бедным и немногочисленным богатым населением, – остается в развивающихся странах. Это объясняется тем, что в странах с развитой экономикой количество бедного и нищего населения относительно невелико

и имеет тенденцию к сокращению, даже несмотря на процессы межстрановой миграции, в то же время, в странах третьего мира фактически нет людей, отвечающих понятию «богатый». Эта тенденция также объясняет, почему в таких странах, как Индия, Мексика, Киргизия, Украина, то есть странах, по ряду параметров относящихся к развивающимся, относительно высокий коэффициент Джинни.

Россия остается страной с относительно низким уровнем среднедушевого дохода населения и относительно высоким уровнем бедности. Согласно данным, опубликованным на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики, прожиточный минимум в России с 2013 до 2019 года вырос на 40% (с 7 до 11 тысяч рублей) и до сих пор, согласно официальной статистике, за чертой бедности в России остается более 13% населения (более 20 млн человек), причем этот показатель имеет тенденцию к росту [21]. Как известно, в развивающихся странах, где индекс Джинни относительно высок, он продолжает расти, поскольку бедность продуцирует бедность, а богатство генерирует богатство. Согласно данным Росстата, индекс Джинни составляет для России 0,411 (2018 год), по некоторым подсчетам он достигает 0,6%. С 1992 года он устойчиво растет (показатель 1992 года – 0,289). Росстат также показывает рост среднедушевых доходов населения, однако только за один 2018 год бедные увеличили свои доходы на 3%, а богатые на 5%, соответственно, то есть профиль распределения доходов становится выше [22].

Однако вне зависимости от методик расчета, неравенство в доходах населения изменяется в сторону увеличения. При этом специалисты отмечают: «С показателями социального неравенства в России сложилась двоякая ситуация. По официальной статистике, Россия не показывает значительной разницы с другими странами. С другой стороны, все более очевидной становится «серая» зона в оценке неравенства, которая не поддается подсчетам. В современной России реальные показатели децильного коэффициента и коэффициента Джинни установить практически невозможно» [22, 41, 42, 43]. В этой ситуации экономическое неравенство является главным источником недовольства своим экономическим положением и главным мотиватором совершения правонарушений для граждан, стоящих у соответствующей черты.

Государство является тем единственным субъектом, который имеет реальные рычаги влияния на параметры социального неравенства. В качестве одной из возможных мер, применение которой могло бы привести в среднесрочной перспективе к изменению ситуации, ученые называют по-

литику налогообложения, которая представляет собой, в том числе, механизм перераспределения доходов богатых в пользу бедных. Однако плоская шкала налогообложения – 13% налога на доходы физических лиц, – не пересматривается в России с 2001 года. Кроме того, Россия – одна из немногих стран мира, в которых отсутствует налог на наследство. Председатель Правительства РФ (до с 2009 до 2020 года – Руководитель Федеральной налоговой службы РФ) неоднократно при ответе на вопрос, почему в России не вводится прогрессивная шкала налогообложения, говорил, что «плоская» шкала обеспечивает относительно высокую собираемость налогов, что введение налога на богатство или любые попытки ввести прогрессивную шкалу приведут к новому витку попыток граждан увести доходы «в тень». Иными словами, борьба с одной из основных проблем экономики может привести к усугублению проблемы, а не к ее разрешению.

Кроме того, теоретики указывают на то, что капитал (богатство) и политическая власть в развивающихся экономиках, в том числе, в России, нередко слиты воедино, что порождает целый ряд новых оснований для правонарушений в экономической сфере: приватизация привела «к перетеканию богатства в частные руки» [8, с. 188], «к взрывному росту вознаграждений руководителей высшего звена в крупных компаниях как финансового, так и нефинансового сектора», вылившемуся в формирование «общества «топ-менеджеров» [8, с. 189, 209] что, в свою очередь, закрыло деятельность акционерных кампаний от контроля как со стороны государства, так и со стороны гражданского общества и сделало невозможным проведение невыгодной богатым налоговой реформы. Положение собственников на средства производство было закреплено ими за счет вхождения во властные корпорации и «через финансирование партий, лоббистских групп и аналитических институтов». Налицо сформировавшаяся за 30 лет конструкция государственно – олигархического капитализма: «Население, российские народы <...> воспринимает коррупцию как должную издержку повсеместного не просто слияния, а одновременно существующей в одном лице властно-олигархо-чиновничьей машины и ОПГ. В марксистской теории это называется – ГМК – государственно-монополистический капитализм. Налицо и основной его признак – слияние капитала банковского и промышленного. Ничего нового даже на теоретическом уровне» [24, с. 246].

Дополнительным фактором, создающим благоприятные условия для злоупотреблений в экономической сфере, является сокрытие реальных доходов, причем как богатыми, так и самыми бед-

ными гражданами. Однако в наибольшей степени ученых беспокоит сокрытие доходов и вывод капиталов за рубеж теми их обладателями, которые потенциально могли бы стать инвесторами экономики РФ. Согласно некоторым данным, в настоящее время за пределами страны находится более 75% от всех финансовых активов России и ее граждан [8], однако в настоящее время «установить верховенство общественного интереса над частным, сохранив при этом открытость экономики и действие сил конкуренции, чтобы развеять статистический туман вокруг активов, размещенных в оффшорах» [23, с. 211], – представляется для России утопической задачей

В задачи нашего исследования не входит углубление в математические модели, устанавливающие и иллюстрирующие зависимость динамики неравенства в доходах от различных параметров экономики, а также моделей, демонстрирующих зависимость уровня преступности в экономической сфере от неравенства в доходах. При всем богатстве альтернатив в интерпретации, наличие последней зависимости представляется большинству исследователей доказанной и требующей детализации только для различных стран, регионов, периодов и т.п. [20, с. 15; 254 26].

Важную группу экономических факторов, влияющих на количественные и качественные характеристики преступности в экономической сфере, можно обозначить как факторы устойчивости и предсказуемости экономического развития. Здесь важна не только и не столько «направление» динамики (рост или падение), сколько наличие самой динамики и ее предсказуемость. К числу таких показателей относятся: цены на нефть, курс национальной валюты, волатильность иных биржевых цен, инфляция, уровень доходов населения. Исследователи отмечают следующую закономерность: преступность тем выше, чем выше частота и уровень колебаний этих показателей, то есть чем в большей степени состояние экономики и доходов конкретного субъекта непредсказуемы и тревожны для самого субъекта. В частности, «преступность (прежде всего, посягающая на отношения собственности) «чувствительна» не к самой инфляции как таковой, а к изменениям ее темпов» [20, с. 16]. Напротив, если инфляция высокая, но стабильная и предсказуемая, а национальная валюта стабильно слаба и не выказывает тенденций к внезапному и заметному росту, установить их связь с уровнем экономической преступности не удается.

Другие экономические факторы, влияющие на количественные и качественные показатели преступности в экономической сфере можно объединить понятием «плотность экономической жизни»

(особенно очевидно проявляют себя эти факторы при сравнении показателей преступности в различных регионах РФ). Причина значимости этой группы факторов заключается в следующем: «Экономическая преступность не возникает случайно, она нуждается в *определенной степени развития региона* (курсив мой – С.Н.), в наличии необходимого состояния инфраструктуры, в социально-экономических показателях такого уровня, чтобы возник пласт «беловоротничковых» правонарушителей» [27, с. 142]. К числу таких факторов относятся:

1. Общая численность населения в регионе и численность работающих;
2. Количество экономических и иных социальных акторов (предприятий и организаций всех типов и форм собственности в регионе);
3. Доходность предприятий и всех видов бизнеса в регионе;
4. Уровень доходов населения и уровень потребления в регионе;
5. Обеспеченность жильем и другими социальными благами в регионе: транспортом, социальными услугами и т.п.;
6. Количество учреждений образования, здравоохранения и социальной защиты в регионе;
7. Инвестиционная привлекательность региона, уровень государственных, частных и иностранных инвестиций в предприятия и экономику региона в целом;
8. Оборот розничной торговли;
9. Количество реализуемых в регионе государственных и региональных бюджетных программ развития и уровень бюджетных ассигнований в эти программы;
10. Обеспеченность предприятий и населения региона точками доступа в Интернет, Интернет-активность;
11. Количество трудовых мигрантов и др. [28; 29; 30].

Только некоторые из этих факторов являются факторами прямого действия (причем следует оговориться, что зависимость экономической преступности от этих факторов действительная только для России или для некоторых регионов). Так, в развитых странах Европы и даже некоторых государствах постсоветского пространства рост оборота розничной торговли в стране или регионе не приводит к росту преступности экономического характера: в этих странах посредством введения и строгого соблюдения правовых, а не экономических мер решена проблема кассовой и торговой дисциплины. В то же время, в России рост оборота розничной торговли влечет следующие неизбежные последствия: «контрафактная продукция, подделки торговых марок, торговля мимо кассы, в

неустановленных местах, повсеместная монополия, «торговля воздухом», неоказание или недолжное оказание услуг по системе обязательного и добровольного страхования – превратили потребительский рынок просто в теневой сектор, а в сферу экономической преступности» [24, с. 250]. Фактором прямого и непосредственного действия является также количество и динамика прироста трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья. Совокупность этих факторов вносит прямой вклад в уровень экономической преступности.

Вместе с тем, нужно отметить, что многие из этих и других не перечисленных здесь факторов являются также факторами взаимного влияния, что осложняет доказательство наличия прямой корреляции между этими показателями и уровнем преступности. В частности, нет единого мнения специалистов в отношении уровня доходов и количества работающего населения. В части регионов РФ сокращение числа безработных, увеличение количества работающих и, как следствие, среднедушевых доходов, приводят к снижению экономической преступности (как правило, «низового» уровня) [24, с. 250], в то же время в части регионов наблюдается рост преступности «белых воротничков». Поэтому все эти условия, факторы и детерминанты следует рассматривать в совокупности, взаимозависимости, взаимодетерминированности (одно и то же явление может выступать и детерминантой, и условием, и следствием другого или криминогенности). Однако следует признать, что чем более насыщенной, активной и многогранной экономическая и социальная жизнь в регионе, тем лучше экономические условия для правонарушений и преступлений в этой сфере, тем более «дорогими» становятся правонарушения, поэтому в наибольшей степени экономическая преступность проявляет себя в Москве, республике Татарстан, Краснодарском крае, г. Санкт-Петербург.

Социальные факторы преступности в экономической сфере с трудом отделимы от экономических. Более того, значительная часть исследователей полагает, что их следует рассматривать в совокупности, поскольку «наиболее весомую роль среди укрупненных факторов (преступности – С.П.) играют социально-экономические, под влиянием которых складываются 46,8% дисперсии общего коэффициента преступности» [31, с. 79]. Однако мы считаем не бесполезным выделить из общего ряда социально-экономических факторов собственно социальные, поскольку полагаем, что сознание, поступки и мотивы преступника напрямую связаны с той средой общественного бытия, в которой личность сформировалась и совершает правонарушение или преступление. В этом отно-

шении, «преступность производна от характеристик общества и точно отражает его суть» [32, с. 25].

Автор настоящего исследования провел экспертный опрос среди сотрудников полиции, занимающих штатные должности в подразделениях борьбы с преступлениями в экономической сфере. Целью опроса было выяснение того, какие причины лежат в основе экономической преступности в Москве, с точки зрения опрошенных сотрудников. Мы получили данные, которые можно интерпретировать следующим образом:

1. Ключевым условием, причиной и фактором преступности в экономической сфере большая часть экспертов (81% опрошенных) считает слияние экономики с социальной и политической сферы и влияние денег, финансов, экономики на все сферы жизни каждого отдельного человека.

2. Второй и сопоставимой по значимости причиной и фактором высокого уровня преступности в экономической сфере опрошенные эксперты назвали влияние конъюмеристских и индивидуалистских ценностей на развитие индивидов в России (79%).

Многие независимые исследования показывают, что влияние ценностей потребления, конъюмеризма остается исключительно высоким и имеет тенденцию к нарастанию. Исследования ценностей, проводимых различными исследовательскими центрами и по различным методикам (наиболее релевантным, на наш взгляд, является Мировое и европейское исследование ценностей по методике и под руководством Р. Инглхарта), показывают, что в России в настоящее время исключительно высоко мотивирующее значение следующего набора ценностей: стабильность – сохранение – безопасность (в противоположность развитию и самореализации); богатство – власть – потребление (в противоположность творчеству и индивидуальной ответственности); индивидуализм – самореализация (в противоположность традиционализму, коллективизму, доверию, институционализму и общинности). В частности, из 26 стран, граждане которых участвовали в исследованиях ценностей по методике Ш. Шварца, Россия занимает третье место, поскольку россияне ставят власть и богатство в шкале ценностей крайне высоко [33].

3. Значительная часть экспертов (62%) полагает, что важной причиной экономической преступности является не только и не столько само социальное неравенство, сколько болезненное восприятие неравенства большинством населения.

Социальное напряжение в обществе усиливается и обостряется ввиду того, что самая богатая часть населения РФ не только не скрывает своих

сверхдоходов, но и кичится ими. Новое глобальное информационное пространство объединило и богатых, и бедных, в новом информационном пространстве, частью которого являются социальные сети, все граждане России оказались близки друг другу, оказались «друг у друга на глазах». В этом огромном пространстве средства массовой информации открыто сообщают о не прекращающемся даже в периоды кризисов росте доходов миллионеров и миллиардеров; сами богатые граждане, их родные и близкие демонстрируют свои потребительские запросы и возможности. В социальных сетях и глянцевого журналов россияне наблюдают роскошный образ жизни, доступный единицам, в то время как более трети населения находятся на грани бедности.

В итоге, растет социальное недовольство и когнитивный диссонанс наименее благополучной части населения. Социологические опросы показывают, что проблема неравенства воспринимается исключительно остро более чем 90%-ми населения: «Рейтинг наиболее болезненных неравенств возглавляет при этом неравенство по доходам – его отмечают как самое болезненное для общества в целом 84% населения, а как болезненное лично для себя – 69%» [34, с. 111]; причем «за последние пять лет произошло снижение толерантности как к тем основаниям неравенств, которые ранее представлялись населению скорее легитимными, так и к различным проявлениям немонетарных неравенств, основанных на неравенстве доходов» [34, с. 112].

Проблема снижения толерантности граждан к социальному неравенству влечет (на фоне традиционного для россиян неуважения к закону) толерантность к незаконному изъятию незаконных сверхдоходов у владельцев этих сверхдоходов. Иными словами, неверие в возможность добиться справедливости законным путем влечет лояльное отношение к незаконным методам обогащения.

И иным социальным причинам преступности в экономической сфере более 50% опрошенных экспертов относит следующие.

4. Существование и развитие параллельно с основными экономическими отношениями теневых схем, механизмов и структур, их влияние на политику, экономику и повседневную жизнь граждан.

Россия уже более 10-ти лет имеет очень высокие показатели развития теневой экономики – 39,07% ВВП. По прогнозам в 2025 г. он останется на том же уровне – 39,3%. В последние годы Россия занимает 4-е место в рейтинге стран по масштабам теневой экономики, уступив лишь Азербайджану (67,04%), Нигерии (48,37%) и Украине (45,96%) [36].

В теневую экономику и различные теневые схемы вовлечено значительное число граждан, большую часть из которых уклоняется от уплаты налогов с доходов от дополнительной трудовой деятельности (различные подработки, репетиторство и т.п.), причем население остается лояльным и толерантным к сокрытию своих доходов. Социологические опросы указывают на две причины такой толерантности: недоверие к институтам, усиленное слабостью государства, его неспособностью обеспечить социальную справедливость; необходимость индивидуального выживания в условиях экономической нестабильности. «Так, по данным за 2017 г. доля граждан, вовлеченных в некриминальный теневой рынок труда, составила 44,8% от общего количества занятого населения. Только за один год с 2016 г. по 2017 г. с 67,7 до 52,4% сократилась доля граждан, выбирающих работу с официальным оформлением. Соответственно с 26,7% в 2016 г. до 36,8% в 2017 г. повысилась доля работников, для которых важнее было, «чтобы платили деньги», нежели обретение статуса занятости» [37, с. 110].

5. Слияние экономики, политики, государственного управления, бизнеса, в том числе, криминального.

Наши респонденты отмечали, что в настоящее время власть в России и всех ее регионах осуществляет властная корпорация, в которой деятельность органов государственной власти коммерциализована и криминализована (в частности, некоторые должности в административных органах продаются и покупаются на своего рода черном рынке должностей), в то же время, бизнес стремится к наращиванию административного ресурса и связей в криминальных кругах. С конца 90-х годов крупный бизнес стремится установить контроль над экономикой страны, а также проникнуть в сферу принятия политических решений: «мы имеем сегодня дело с экономикой, регулируемой в определяющей степени неэкономическим соперничеством корпоративно-бюрократических структур (кланов), столкновением их власти и регулирующих воздействий. Последствием функционирования механизмов аллокации ресурсов является разделение экономики страны на сильно и слабо корпоратизированные сектора» [38, с. 194]. Мы упоминали эту особенность в качестве одного из аспектов экономических условий преступности, вместе с тем, наши респонденты отмечают, что корпоративизм есть не только и не столько черта, определяющая взаимоотношения акторов в товарно-денежной сфере, но и в целом одна из ключевых особенностей всей социальной жизни современной России.

6. Агрессивное влияние внешних негативных установок среды на сферу бизнеса и предпринимательства.

Все годы утверждения капиталистической модели управления экономикой в России (с начала 90-х годов XX века) бизнес и предприниматели испытывали на себе двойное внешнее давление.

С одной стороны, большая часть опрошенных россиян за все годы ведения наблюдений, на вопрос, возможно ли в России легальное приобретение крупных капиталов, отвечала отрицательно. «У россиян довольно глубоко укоренилась «антикапиталистическая ментальность», наличие которой подтверждается многочисленными социологическими исследованиями. В частности, в одном из исследований на вопрос: «В России, чтобы достичь успеха в бизнесе, нужно ...» – наиболее значительная часть опрошенных (47,4%) недвусмысленно называла качества, которые вызывают однозначно негативные ассоциации, — наличие «лапы», готовность нарушать нормы закона и морали, умение изворачиваться» [39, с. 298]. До настоящего времени ситуация не только не изменилась, но и ухудшилась. В настоящее время более 70% россиян полагают, что значительные капиталы невозможно заработать честным путем.

С другой стороны, предприниматели и бизнес испытывают давление со стороны государства, правоохранительных и налоговых органов. Находясь в ситуации социального неприятия, с одной стороны, и административного прессинга (подчас произвола), с другой, бизнесмены часто вынуждены выбирать стиль принятия решений и поведения в заданном коридоре возможностей, который оказывается довольно узким: «В условиях агрессивного давления, как со стороны государства, так и общественного сознания, предприниматели «творяют» собственные «ценностные модели», которые не всегда согласуются с этическими нормами. И в то время, когда моральный стиль поведения остается уделом ограниченного числа отечественных бизнесменов, большая их часть предпочитает уходить «в тень» [39, с. 300].

Причем в настоящее время большая часть участников бизнес-сообщества резко скептически относятся к перспективе изменения ситуации: при ответе на вопрос, смогут ли они играть «по правилам», если ситуация в стране резко изменится и экономика станет открытой и свободной от теневых схем, большая часть отвечает, что будет поступать, в соответствии с привычными схемами, поскольку эти схемы сформировались в условиях, где никто никому не доверяет. Эти данные свидетельствуют о том, что для мышления субъектов экономической деятельности характерна стереотипизация «теневых схем». Специалисты утвер-

ждают, что за годы развития рыночной экономики в России произошло укоренение и «рутинизация» правонарушений в экономической сфере. Рутинизация (как «нормальный и предсказуемый образец поведения») противопоставляется российскими предпринимателями непредсказуемости экономической, правовой и политической жизни [40, с. 144].

В качестве одной из социальных детерминант преступности в экономической сфере наши эксперты также отметили развитие информационных, в том числе, сетевых технологий (35 %). Новые технологии пронизывают все сферы жизни, в том числе, экономику. В настоящее время скорость и свобода движения информации может быть и причиной совершения преступления (потенциальному правонарушителю оказываются доступны данные и информация), а также его условием. Вместе с тем, информационные технологии создают дополнительные возможности и даже служат инструментом (орудием) совершения преступления.

К социальным детерминантам преступности в экономической сфере примыкает группа социально-психологических детерминант, к числу которых следует отнести крайне высокую степень атомизации российского общества, являющуюся тяжелым и пока не пережитым наследием разобщенности, взаимного отчуждения и страха, характерных для общества тоталитарного режима. Атомизация и индивидуализм тесно связаны с такой социально-психологической проблемой, как отсутствие развитых горизонтальных связей, взаимное недоверие и взаимная социальная безответственность. Отсутствие взаимного доверия и индивидуализм являются условиями формирования особого стиля принятия решений и особых стереотипов поведения людей: в рамках этого стиля индивидуальные интересы и потребности человека ставятся выше интересов общины, коллектива, всего социального пространства. Автор настоящего исследования не является пессимистом-антиутопистом, полагающим, что консюмеризм и атомизация неустранимы. Более того, социологические исследования показывают, что молодежь современной России более склонна к формированию горизонтальных социальных связей и выказывает больше доверия своим согражданам, чем поколение их родителей. Вместе с тем, социальная атомизация в настоящее время продолжает оставаться одной из ключевых социально-психологических детерминант преступности, в том числе, в экономической сфере.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, мы можем сформулировать следующие выводы:

Социально-экономические факторы играют самую важную роль среди укрупненных групп причин и условий, образующих благоприятную среду

для совершения преступлений: преступность, в этом отношении, есть отражение общественных отношений.

Основная группа детерминант преступности в экономической сфере составляют факторы, выделяемым всеми исследователями: бедность; поляризация населения по уровню доходов (коэффициент Джинни); «непрозрачность» реальных доходов; слияние политического и экономического капитала.

Вторую по значимости группу факторов составляют факторы устойчивости и предсказуемости экономического развития: преступность тем выше, чем выше частота и уровень колебаний экономических показателей, то есть чем в меньшей степени состояние экономики и доходов конкретного субъекта предсказуемы и тревожны для самого субъекта.

Третью группу факторов, влияющих на количественные и качественные показатели преступности в экономической сфере можно объединить понятием «плотность экономической жизни»: общая численность населения в регионе и численность работающих; количество экономических и иных социальных акторов (предприятий и организаций всех типов и форм собственности в регионе); доходность предприятий и всех видов бизнеса в регионе; уровень доходов населения и уровень потребления в регионе; обеспеченность жильем и другими социальными благами в регионе: транспортом, социальными услугами и т.п.; количество учреждений образования, здравоохранения и социальной защиты в регионе и др.

К числу основным социальных детерминант преступности относятся:

- слияние экономики с социальной и политической сферы и влияние денег, финансов, экономики на все сферы жизни каждого отдельного человека;
- влияние консюмеристских и индивидуалистских ценностей на развитие индивидов в России;
- болезненное восприятие неравенства большинством населения;
- существование и развитие параллельно с основными экономическими отношениями «теневых» схем, механизмов и структур, их влияние на политику, экономику и повседневную жизнь граждан;
- слияние экономики, политики, государственного управления, бизнеса, в том числе, криминального;
- агрессивное влияние внешних негативных установок среды на сферу бизнеса и предпринимательства;
- развитие информационных, в том числе, сетевых технологий;
- атомизация общества.

Литература

1. Шегабуудинов Р.Ш. Неблагоприятные социальные условия, определяющие состояние и характер экономической преступности, сопряженной с коррупцией и организованной преступностью // Вестник Московского университета МВД России. 2011. №7. С. 174 – 178.
2. Аджемogлу Д., Робинсон Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: Издательство АСТ, 2015. 692 с.
3. Балацкий Е.В. Эффект Пикетти: комментарий к новой концепции // Terra Economicus. 2017. Т. 15. №2. С. 40 – 56.
4. Кларк Г. Прощай, нищета! Краткая экономическая история мира. М.: Издательство Института Гайдара, 2012. 542 с.
5. Макклоски Д.Н. Измеренный, безмерный, преувеличенный и безосновательный пессимизм. О книге «Капитализм в XXI веке» Томаса Пикетти // Экономическая политика. 2016. Т. 11. №4. С. 153 – 195.
6. Мальцев А.А., Невский С.И. Излечение от «британской болезни», или специфика трансформации экономики Великобритании в 1980-е годы // Terra Economicus. 2016. Т. 14. №3. С. 63 – 86.
7. Миланович Б. Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. 333 с.
8. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 592 с.
9. Эйхенгрин Б. Зеркальная галерея. Великая депрессия, Великая рецессия, усвоенные и неусвоенные уроки истории. М.: Издательство Института Гайдара, 2016. 245 с.
10. Acemoglu D., Robinson J. The Rise and Decline of General Laws of Capitalism // Journal of Economic Perspectives. 2015. Vol. 29. N1. P. 3 – 28.
11. Aghion P., Aksigit U., Bergeaud A., Blundell R., Hémous D. Innovation and Top Inequality // NBER Working Paper. 2015. N21247.
12. Arena R., Quere M. Introductory Remarks, The Economics of Alfred Marshall: Revisiting Marshall's Legacy / R. Arena, M. Quere (eds). Basingstoke, N.Y.: The Macmillan Press. Backhouse R.E, 2001. 151 p.
13. Mark Blaug as a Historian of Economic Thought, Historians of Economics and Economic Thought. The Construction of Disciplinary Memory / S.G. Medema, W.J. Samuels (eds). Abingdon, N.Y.: Routledge; Bernstein P., Swan A. All the Money in World: How the Forbes 400 Make and Spent their Fortunes. N.Y.: Alfred A. Knopf. 2007. 246 p.
14. Анищенко Е.В., Рубцов И.В. Современные особенности совершения преступлений экономической направленности и инновационные методы их выявления // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2010. №5. С. 265 – 269.
15. Завьялов И.А., Зуева А.С. Криминологическая характеристика экономических преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2014. №7. С. 68 – 70.
16. Коноваленко С.А., Корнилович Р.А. Формирование системы индикаторов наличия экономических правонарушений в финансово-кредитной сфере // Экономика и предпринимательство. 2015. №11 (ч. 1) (64-1). С. 81 – 86.
17. Индикаторы наличия экономических правонарушений в финансово-хозяйственной деятельности организаций / Р.А. Корнилович, С.А. Коноваленко, П.С. Ивлиев, Д.А. Панин и др. Рязань: Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. 2015. С. 185.
18. Лошаков А.С., Долбиллов А. В. Обострение угроз экономической безопасности государства в условиях санкционного противостояния // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 2. №1. С. 24 – 27.
19. Капелюшников Р. Неравенство: как не примитивизировать проблему // Вопросы экономики. 2017. №4. С. 117 – 139.
20. Оксамытный В.В., Потоцкий Н.К. Об основных экономических факторах преступности против собственности // Вестник Московского университета МВД России. 2013. №1. С. 15 – 19.
21. Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.gks.ru/>
22. Коломейцев Н.В. В России рекордный рост социального неравенства // Коммунистическая партия Российской Федерации. Официальный сайт. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://kprf.ru/dep/gosduma/activities/186124.html>
23. Мальцев А.А., Мальцева В.А. Возвращение мрачной науки? Размышления о книге Т. Пикетти «Капитал в XXI веке» и будущем мировой экономики // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. №1. С. 204 – 219.
24. Дианов Д.В., Ляпин А.Е. Статистическая оценка факторов современной экономической преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2019. №2. С. 245 – 251.

25. Рубцов И.В. Анализ структуры и динамики экономической преступности в России // Вестник экономической безопасности. 2009. №3. С. 53 – 60.
26. Национальная безопасность / Н.Д. Эриашвили, О.А. Миронова, Е.Н. Хазов, И.А. Горшенева и др. М.: Юнити-Дана, 2017. 287 с.
27. Рубцов И.В. Анализ факторов распространения экономической преступности в регионах Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2017. №4. С. 139 – 144.
28. Дианов Д.В., Гайфулин Н.В. Применение статистических методов в экспертных исследованиях основного капитала региональной экономики // Вопросы региональной экономики. 2018. Т. 34. №1. С. 151 – 160.
29. Михеева М.В. Основные направления обеспечения экономической безопасности России в современных условиях // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2016. №2 (8). С. 146 – 150.
30. Школьникова К.Ю. Статистика экономической активности, занятости и безработицы // Наука сегодня: теоретические и практические аспекты. 2015. №3.
31. Мухин А.А. Оценка влияния социально-экономических факторов на уровень преступности // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2005. С. №2. С. 76 – 82.
32. Долгова А.И. Закономерности преступности, борьба с ней и научное обеспечение борьбы // Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон / под ред. А.И. Долговой. М.: Общероссийская общественная организация «Российская криминологическая ассоциация», 2001. 576 с.
33. Магун В.С., Руднев М.Г. Изучение базовых ценностей россиян на основе Европейского социального исследования. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.hse.ru/data/326/183/1240/present.pdf>
34. Мареева С.В. Социальные неравенства и социальная структура современной России в восприятии населения // Вестник института социологии. 2018. Т. 9. №3. С. 101 – 120.
35. Стиглиц Д. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо, 2015. 511 с.
36. Emerging from the shadows. The shadow economy to 2025. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.accaglobal.com/content/dam/ACCA_Global/Technical/Future/pi-shadow-economy.pdf
37. Николаев Д.А. Влияние теневой экономики на международное движение капитала в современных условиях // Экономика. Налоги. Право. 2018. Т. 11. №5. С. 108 – 117.; С. 110.
38. Шиманович Н.И. Влияние факторов социальной среды на деятельность преступных организаций // Ленинградский юридический журнал. 2008. №4 (14). С. 191 – 200.
39. Хмелькова Н.В. Российская модель управления: особенности реализации (опыт исследования «рутинизации» теневых предпринимательских практик) // Актуальные вопросы экономических наук. 2008. №3-2. С. 296 – 305.
40. Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. М.: Дело, 2002. 535 с.; С. 144.
41. Туркина Д.Е. Пять практических различий банковского учета между стандартами России и США на современном этапе развития экономики // Наука и бизнес: пути развития. 2018. № 12 (90). С. 156 – 157.
42. Минаков А.В. Основы управления бюджетно-налоговой системой России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. Т. 7. № 9 (102). С. 61 – 69.
43. Туркина Д.Е. Три ключевые проблемы внедрения искусственного интеллекта в российских банках на современном этапе развития экономики // Инновации и инвестиции. 2018. № 12. С. 335 – 336.

References

1. SHegabudinov R.SH. Neblagopriyatnye social'nye usloviya, opredelyayushchie sostoyanie i harakter ekonomicheskoy prestupnosti, sopryazhennoj s korrupciej i organizovannoj prestupnost'yu // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2011. №7. S. 174 – 178.
2. Adzhemoglu D., Robinson Dzh. A. Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. Proiskhozhdenie vlasti, procvetaniya i nishchety. М.: Izdatel'stvo AST, 2015. 692 s.
3. Balackij E.V. Effekt Piketti: kommentarij k novoj koncepcii // Terra Economicus. 2017. Т. 15. №2. S. 40 – 56.
4. Klark G. Proshchaj, nishcheta! Kratkaya ekonomicheskaya istoriya mira. М.: Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2012. 542 s.
5. Makkloski D.N. Izmerennyj, bezmernyj, preuvelichennyj i bezosnovatel'nyj pessimizm. O knige «Kapitalizm v XXI veke» Tomasa Piketti // Ekonomicheskaya politika. 2016. Т. 11. №4. S. 153 – 195.
6. Mal'cev A.A., Nevskij S.I. Izlechenie ot «britanskoj bolezni», ili specifika transformacii ekonomiki Velikobritanii v 1980-e gody // Terra Economicus. 2016. Т. 14. №3. S. 63 – 86.

7. Milanovich B. *Global'noe neravenstvo. Novyj podhod dlya epohi globalizacii*. M.: Izdatel'-stvo Instituta Gajdara, 2017. 333 s.
8. Piketti T. *Kapital v XXI veke*. M.: Ad Marginem Press, 2015. 592 s.
9. Ejhengrin B. *Zerkal'naya galereya. Velikaya depressiya, Velikaya recessiya, usvoennye i neusvoennye uroki istorii*. M.: Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2016. 245 s.
10. Acemoglu D., Robinson J. *The Rise and Decline of General Laws of Capitalism // Journal of Economic Perspectives*. 2015. Vol. 29. N1. P. 3 – 28.
11. Aghion P., Aksigit U., Bergeaud A., Blundell R., Hemous D. *Innovation and Top Inequality // NBER Working Paper*. 2015. N21247.
12. Arena R., Quere M. *Introductory Remarks, The Economics of Alfred Marshall: Revisiting Marshall's Legacy / R. Arena, M. Quere (eds). Basingstoke, N.Y.: The Macmillan Press. Backhouse R.E, 2001. 151 r.*
13. *Mark Blaug as a Historian of Economic Thought, Historians of Economics and Economic Thought. The Construction of Disciplinary Memory / S.G. Medema, W.J. Samuels (eds). Abingdon, N.Y.: Routledge; Bernstein P., Swan A. All the Money in World: How the Forbes 400 Make and Spent their Fortunes. N.Y.: Alfred A. Knopf. 2007. 246 r.*
14. Anishchenko E.V., Rubcov I.V. *Sovremennye osobennosti soversheniya prestuplenij ekonomicheskoj napravlenosti i innovacionnye metody ih vyyavleniya // Biznes v zakone. Ekonomiko-yuridicheskij zhurnal*. 2010. №5. S. 265 – 269.
15. Zav'yalov I.A., Zueva A.S. *Kriminologicheskaya harakteristika ekonomicheskikh prestuplenij // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2014. №7. S. 68 – 70.
16. Konovalenko S.A., Kornilovich R.A. *Formirovanie sistemy indikatorov nalichiya ekonomicheskikh pravonarushenij v finansovo-kreditnoj sfere // Ekonomika i predprinimatel'stv*. 2015. №11 (ch. 1) (64-1). S. 81 – 86.
17. *Indikatory nalichiya ekonomicheskikh pravonarushenij v finansovo-hozyajstvennoj deyatel'no-sti organizacij / R.A. Kornilovich, S.A. Konovalenko, P.S. Ivlichev, D.A. Panin i dr. Ryazan': Ryazan'skij filial Moskovskogo universiteta MVD Rossii imeni V.YA. Kikoty, 2015. S. 185.*
18. Loshakov A.S., Dolbilov A. V. *Obostrenie ugroz ekonomicheskoj bezopasnosti gosudarstva v usloviyah sankcionnogo protivostoyaniya // Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*. 2017. T. 2. №1. S. 24 – 27.
19. Kapelyushnikov R. *Neravenstvo: kak ne primitivizirovat' problemu // Voprosy ekonomiki*. 2017. №4. S. 117 – 139.
20. Oksamytnyj V.V., Potockij N.K. *Ob osnovnykh ekonomicheskikh faktorah prestupnosti protiv sobstvennosti // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2013. №1. S. 15 – 19.
21. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. Oficial'nyj sajt. Elektronnyj re-surs. Rezhim dostupa: <https://www.gks.ru/>*
22. Kolomejcev N.V. *V Rossii rekordnyj rost social'nogo neravenstva // Kommunisticheskaya partiya Rossijskoj Federacii. Oficial'nyj sajt. Elektronnyj resurs. Rezhim dostupa: <https://kprf.ru/dep/gosduma/activities/186124.html>*
23. Mal'cev A.A., Mal'ceva V.A. *Vozvrashchenie mrachnoj nauki? Razmyshleniya o knige T. Piketti «Kapital v XXI veke» i budushchem mirovoj ekonomiki // Vestnik mezhdunarodnykh organizacij*. 2018. T. 13. №1. S. 204 – 219.
24. Dianov D.V., Lyapin A.E. *Statisticheskaya ocenka faktorov sovremennoj ekonomicheskoj prestupnosti // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2019. №2. S. 245 – 251.
25. Rubcov I.V. *Analiz struktury i dinamiki ekonomicheskoj prestupnosti v Rossii // Vestnik ekonomicheskoj bezopasnosti*. 2009. №3. S. 53 – 60.
26. *Nacional'naya bezopasnost' / N.D. Eriashvili, O.A. Mironova, E.N. Hazov, I.A. Gorsheneva i dr. M.: YUniti-Dana, 2017. 287 s.*
27. Rubcov I.V. *Analiz faktorov rasprostraneniya ekonomicheskoj prestupnosti v regionah Ros-sijskoj Federacii // Vestnik ekonomicheskoj bezopasnosti*. 2017. №4. S. 139 – 144.
28. Dianov D.V., Gajfulin N.V. *Primenenie statisticheskikh metodov v ekspertnykh issledovaniyah osnovnogo kapitala regional'noj ekonomiki // Voprosy regional'noj ekonomiki*. 2018. T. 34. №1. S. 151 – 160.
29. Miheeva M.V. *Osnovnye napravleniya obespecheniya ekonomicheskoj bezopasnosti Rossii v so-vremennykh usloviyah // Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii*. 2016. №2 (8). S. 146 – 150.
30. SHkol'nikova K.YU. *Statistika ekonomicheskoj aktivnosti, zanyatosti i bezroboticy // Nauka segodnya: teoreticheskie i prakticheskie aspekty*. 2015. №3.
31. Muhin A.A. *Ocenka vliyaniya social'no-ekonomicheskikh faktorov na uroven' prestupnosti // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ekonomika i pravo*. 2005. S. №2. S. 76 – 82.
32. Dolgova A.I. *Zakonomernosti prestupnosti, bor'ba s nej i nauchnoe obespechenie bor'by // Zakonomernosti prestupnosti, strategiya bor'by i zakon / pod red. A.I. Dolgovoj. M.: Obshcherossijskaya obshchestvennaya organizaciya «Rossijskaya kriminologicheskaya asociaciya», 2001. 576 s.*

33. Magun V.S., Rudnev M.G. *Izuchenie bazovyh cennostej rossiyan na osnove Evropejskogo social'-nogo issledovaniya. Elektronnyj resurs. Rezhim dostupa: <https://www.hse.ru/data/326/183/1240/present.pdf>*
34. Mareeva S.V. *Social'nye neravenstva i social'naya struktura sovremennoj Rossii v vospri-yatii naseleniya // Vestnik instituta sociologii. 2018. T. 9. №3. S. 101 – 120.*
35. Stiglic D. *Cena neravenstva. CChem rassloenie obshchestva grozit nashemu budushchemu. M.: Eks-mo, 2015. 511 s.*
36. *Emerging from the shadows. The shadow economy to 2025. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: www.accaglobal.com/content/dam/ACCA_Global/Technical/Future/pi-shadow-economy.pdf*
37. Nikolaev D.A. *Vliyanie tenevoj ekonomiki na mezhdunarodnoe dvizhenie kapitala v sovremen-nyh usloviyah // Ekonomika. Nalogi. Pravo. 2018. T. 11. №5. S. 108 – 117.; S. 110.*
38. SHimanovich N.I. *Vliyanie faktorov social'noj sredy na deyatel'nost' prestupnyh organi-zacij // Leningrad-skiy yuridicheskij zhurnal. 2008. №4 (14). S. 191 – 200.*
39. Hmel'kova N.V. *Rossijskaya model' upravleniya: osobennosti realizacii (opyt issledovaniya «rutinizacii» tenevyh predprinimatel'skih praktik) // Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk. 2008. №3-2. S. 296 – 305.*
40. Nel'son R., Uinter S. *Evolucionnaya teoriya ekonomicheskikh izmenenij. M.: Delo, 2002. 535 s.; S. 144.*
41. Turkina D.E. *Pyat' prakticheskikh razlichij bankovskogo ucheta mezhdru standartami Rossii i SSHA na sovremennom etape razvitiya ekonomiki // Nauka i biznes: puti razvitiya. 2018. № 12 (90). S. 156 – 157.*
42. Minakov A.V. *Osnovy upravleniya byudzhetho-nalogovoj sistemoy Rossii // Nacional'nye interesy: priorityety i bezopasnost'. 2011. T. 7. № 9 (102). S. 61 – 69.*
43. Turkina D.E. *Tri klyuchevye problemy vnedreniya iskusstvennogo intellekta v rossijskih bankah na sovremennom etape razvitiya ekonomiki // Innovacii i investicii. 2018. № 12. S. 335 – 336.*

SOCIO-ECONOMIC REASONS, CONDITIONS AND FACTORS OF DETERMINATION OF CRIME IN THE ECONOMIC SPHERE IN MODERN RUSSIA

Nazarov S.A.,
National Research University
Moscow Institute of Electronic Technology

Abstract: in this article, the author examines the main groups of determinants (causes and conditions) of crime in the economic sphere in modern Russia. It is argued that socio-economic factors are the most significant determinants of economic crime and the social factors of crime in the economic sphere are hardly separable from economic ones. As the most significant factor, the author calls the polarization of the Russian population by income level; the second most important economic factor is the “shadow economy”. The importance of social atomization, social deprivation, legal and social irresponsibility is also noted. The importance of social atomization, social deprivation, legal and social irresponsibility is also noted. The second most important group of factors is the factors of sustainability and predictability of economic development: crime is higher, the higher the frequency and level of fluctuations in economic indicators, that is, the less the state of the economy and income of a particular subject are predictable and alarming for the subject itself.

The third group of factors affecting quantitative and qualitative indicators of crime in the economic sphere can be united by the concept of “density of economic life”: the total population in the region and the number of employees; the number of economic and other social actors (enterprises and organizations of all types and forms of ownership in the region); profitability of enterprises and all types of business in the region; population income and consumption in the region; provision of housing and other social benefits in the region; transport, social services, etc .; the number of educational, health and social protection institutions in the region, etc.

Keywords: crime, causes, conditions, factors, determinants, "shadow" economy, income polarization, social atomization, social deprivation